

Раздел III

Spiritus flat ubi vult (Дух веет, где хочет!)

А.П. Ярков (Тюмень)

О месте книги в формировании «тобольского типа культуры» в XVII веке

Нельзя абсолютизировать вклад Тобольска, его временных и постоянных жителей, но важно определить, что же лежало в основе их «любопытства» в познании окружающего мира. Одна из причин – исторически и географически сложившееся положение этого города, откуда служилые отправлялись для «приискания новых земель».

Не всякое взаимодействие является диалогом культур: для того должны быть и пассионарные личности, и «поле востребованности». Между тем именно в Тобольске начиналось сибирское летописание и сбор исторических и географических знаний о вновь присоединенных и приграничных территориях. Создание Сибирской епархии в 1620 г. еще больше укрепило положение Тобольска, который наряду с административными функциями стал и оплотом православной культуры в Сибири, но когда в мае 1621 г. в Тобольск прибыл архиепископ Киприан, то он был удивлен открывшейся картиной. Разрыв между ожидаемой и реальной ситуацией был настолько велик, что Киприан оказался в недоумении от «великого нестроения»: едят «всякую скверну» вместе с иноверцами, живут «не по закону» с калмыцкими, татарскими и мансийскими женщинами. Все это отражалось на внешних расовых, культурно-бытовых и лингвистических приметах детей, которых называли «русским прижитком», хотя они, как правило, были крещеными в православие. Николай Абрамов замечал, что дети-метисы являлись носителями двух культур [1], отражая саму специфику формирования сибирского социума.

Тобольск не мог миновать ни один ссыльный и каторжник, чиновник и крестьянин-переселенец, путешественник, а иностранец – тем более. Эта причина сформировала второе обстоятельство – толерантное отношение тоболяков к иноверцам. Благодаря многим образованным мигрантам из Европы, ссыльным, российским промышленникам, служащим в тогдашней сибирской столице была создана особая атмосфера, и все это в совокупности способствовало появлению «тобольского типа культуры», о котором лишь упомянула Сибирская советская энциклопедия в 1932 г. [2]. Этот тип культуры, впрочем, распространялся не только на сибирскую

столицу. В нем можно увидеть отголоски европейской рациональности (основанной на протестантской этике), которая сочетает трезвый рассудок, четко соизмеряющий цели и средства его достижения, но стремящейся познать реальный, земной мир. «Тобольский тип культуры», с одной стороны, обеспечивал пристанище в крае иностранным «странникам поневоле» и отечественным инакомыслящим, изгнанным из европейской части России; с другой стороны – стал стартовым полем для сибиряков, талантом и умением добившихся признания в России и Европе.

«Тобольский тип культуры» удивительным образом аккумулировал многообразные культурные (европейские и азиатские, русские и «туземные», светские и религиозные) традиции, родив новый, сибирский феномен. Истоки его зарождения, полагаем, относятся ко второй половине XVII в., когда небольшой город стал местом пребывания ярких личностей. К «любопытствующим» – духовным предшественникам Петра I, можно отнести и тех, кто оказался на берегах Иртыша не по своей воле. Среди нестандартно мыслящих людей – князь Семен Шаховской-Харя, который во время тобольской ссылки написал «Послание к некоему другу зело полезно...» и «Молитву против разлучения супружества». И в Москве его не удовлетворяли ни обычаи, ни вера его предков, но он считал себя православным в полном смысле этого слова [3], а при знакомстве в Тобольске дьяк Третьяк Васильев, сам искавший «ответ на вызов времени», назвал его «человеком предивным, шествующим путем правды» [4]. И один из них – европейского уровня философ, доктор богословия Юрий Крижанич (Юрий Иванов сын Сербинин). В 1661 г. этот энциклопедист, знаток шести европейских языков оказывается в ссылке в Тобольске, где «застрял» на 14 лет. Известно, что Крижанича – хорвата с дворянскими корнями из XIII в., увлекла идея славянского единства, а после окончания Загребской семинарии, Римского греческого коллегиума в «Записке» (адресованной католической Конгрегации пропаганды веры) он писал о «многочисленных народах князя Московского», опутанных «греческим заблуждением», полагая таким православие.

Прибыв в Москву в 1649 г. – через 12 лет после «Записки», он уже не призывал к соединению двух церквей, полагая, что Россия острее нуждается в просвещении по-европейски. Возможно, это было лишь «плодом воспитания» иезуитов. Оставаясь, тем не менее, сторонником унии православных с католиками, Крижанич оказался одним из сотрудников патриарха Никона в самый кульминационный момент: выходцы из кружка «ревнителей благочестия» стали назначаться на важные кафедры [5].

В 1660 г. Никона низложили, а летом 1663 г. когда-то способствовавший его восхождению на патриарший престол протопоп Аввакум должен был вернуться из ссылки в Москву, но в Тобольске он вынужден был задержаться, так как восставшие калмыки, башкиры, татары и ханты нашли союзников

в лице калмыцких тайшей и Кучумовича Кучука, осаждая и сжигая монастыри и поселения [6].

Прежний архиепископ Симеон, с марта 1662 г. издавший приказ по всем церквам совершать службы по новым книгам и правилам, уже покинул Тобольск. В отсутствие нового владыки ход реформы замедлился, да и нужного количества «Требников» и «Служебников» не было. В тех условиях освобожденный от опалы протопоп пользовался почетом, присущим его сану. В то время и произошла встреча с Крижаничем, которого в 1661 г. отправили в сибирскую ссылку. Вот как описал это событие Крижанич: «Он (Аввакум) вошел на крыльцо навстречу мне. Так как я намеревался встать на ступеньку, чтобы войти, он сказал: "Не подходи, стой там и признавайся, какую веру исповедуешь!" Я: "Благослави меня, отец!" Он же: "Нет, я тебя не благослаблю. Объяви сначала свою веру". Я: "Я, досточтимый отче, глубоко верю всему, во что верит святая апостольская католическая Церковь, я почитаю благословение священника и я почтительно прошу его. Что же касается моей веры, то я готов объяснить ее епископу. Но перед всяким встречным, тебе подобным, сама вера которого находится под подозрением, я не буду ни распространяться, ни объяснять своей веры. Если ты откажешь мне в благословении, я получу его от Бога. Прощай"» [7].

К тому времени «поворотов судьбы» Крижанич уже испытал немало: есть предположение, что одной из причин ссылки было его участие в споре об обрядах между никонианами и старообрядцами; в ссылку он отправился вместе с «раскольником», патриаршим подьяком Федором Трофимовым (с которым поддерживал отношения все время пребывания в Сибири); в Тобольске хорват имел возможность наблюдать последствия противопоставления различных конфессий и тенденций – «грекофильства», «латинства» и «ересей», а также ознакомиться с религиозной жизнью старообрядцев, сибирских татар и бухарцев.

Взаимная неприязнь никониан и старообрядцев к тому времени стала острой. И в этом отношении любопытен рассказ о пожаре в Тобольске в 1662 г. (который Крижанич лицезрел) в интерпретации старообрядцев: «Многие русские дворы и татарские юрты погорели же, и тот де гнев Божий был градским людям за то, что русские люди жили с татарами, а татаровя с русскими людьми жили вместе и блуд творили...» [8].

В Тобольске с переменным успехом шла борьба сторонников обновления и старого уклада богослужения, а наблюдавшего за этим Крижанича митрополит Корнилий желал обратить в православие, полагая, видимо, что образованный богослов «активно вяжется в бой». Крижанич остался верен католицизму, но с большой осторожностью обосновал отказ тем, что заново креститься – неуважение к христианству. Впрочем, Крижанич был на стороне официальной церкви, одержавшей победу на Соборе 1666 г. и,

услышав от священника Знаменского монастыря Иасафа, что старообрядцы отрицательно влияют на прихожан, написал проповедь «О преверстве» (О суеверии). Дело в том, что после Собора защитники старого обряда были отлучены от церкви, преданы анафеме, стали ссылаться в Сибирь. Да и среди сибиряков увеличилось число приверженцев дониконовской старины. Беглые крестьяне и солдаты, скрываясь от власти помещиков, чиновников, а иногда и государства, чаще всего становились искренними адептами старообрядческой веры [9].

Написанная Аввакумом в последней ссылке (и месте гибели) – в Пустозерске Большая Соловецкая челобитная довольно ранним списком появилась в Tobольске, где и попала через «аввакумовца» Федора Трофимова в руки Крижаничу, составившему в 1674 г. ответное «Обличение». В нем Соловки и Сибирь названы главнейшими центрами раскола, полагая его причиной невежество, фантастическую веру в букву, упорство и фарисейство [10]. Одновременно Крижанич полагал, что Бог допускает церковные раздоры, чтобы обнаружилась Истина.

Прохаживаясь вдоль неисчислимых литературных полок, или залезая в Интернет, современнику сложно представить, как опальный Крижанич радовался каждой устной вести о событиях в мире или книге, будь то популярный политический трактат XVI в. «Мемуары» Филиппа де Комина, или хранившаяся в тобольском Воскресенском соборе «Книга, глаголемая летописец великия земли Российския великаго словенского языка, отколе и в кое лета начаша бытии великие князи и цари, и когда крещение прият Русская земля». Книги, встречи с сибиряками и приезжими, масса свободного времени стали важным «толчком» для глубоких обобщений Крижанича: «Всякое государство состоит из многих противоречивых частей, кои своим несогласием и борьбой наносят ему вред и ведут к его упадку или к разорению». Это из самого известного труда, названного при первом издании «Политикой» (1666), который лежит в основе «Крижаники». Это – сборник, куда входят трактат «Разговоры об владетельству», речи, аллегорические повести, различные заметки по вопросам политики и одежды, истории и торговли, экономики и нравственности, военного дела и философии. Одна из его основных идей – единство славян, которые должны сплотиться вокруг самого могущественного славянского государства – России, правителя которого он упорно именовал король. Крижанич писал: «...первой нашего королевства и народа твердыней доселе была православная вера, и строгий запрет, и недопущение всяких ересей, и строгое соблюдение благочестивых законов и обрядов: всенощных, литургий, служб, постов и иных. Этот обычай и мы навечно подтверждаем, сохраняем и укрепляем» [11].

На страницах «Крижаники» нашли отражение и идеи более капитальной работы, начатой Крижаничем в тобольской ссылке – «Relatio

(Historia) de Siberia, dua continentur notitia dictae pronunciat et littoris Oceani glacialiset Orientalis, a porta S. Michaelis Archangeli usque Catayum. Item de Calmucis nomadibus et quaedem narratiunculae de gemmariorum, metallorum et alchimistrarum fraudibus...» («Повествование о Сибири, в котором находятся заметки об этой провинции и о берегах Ледовитого и Восточного океана от порта св. Михаила Архангела до Китая, также о номадах-калмыках и некоторые рассказы об обманах ювелиров, металлических дел мастеров и алхимиков...»), написанной «около 1680 года». Между тем, Крижанич в названии сам уточнил «Scripta Anno 1661».

Этот труд под названием «Повествование о Сибири. Латинская рукопись XVII столетия, изданная с русского» стал знаком читателю на русском языке благодаря известному краеведу Григорию Спасскому в 1822 г. (опубликовавшему ее в «Сибирском вестнике» в Петербурге) и во многом способствовал оформлению «областничества» – общественно-политического движения сибирской интеллигенции XIX в., поскольку Крижанич показал огромный потенциал Сибири, а не только описал её как место каторги, резервуар «темных народов». Он подчеркнул необходимость возвести преграды от вторжения их в Европу [12] и рекомендовал «избавиться в Сибири от немцев», причисляя к ним всех протестантов. С другой стороны, хорват выступал против жестокостей и произвола в отношении к сибирским аборигенам и рассматривал ясак как хищническую форму, рекомендуя заменить его торговлей, которая могла бы принести большую выгоду. Богослов оправдывал завоевание Сибири, но дальнейшую колонизацию полагал невыгодной. Отношение Крижанича к исламу как «Магометову лжеучению» не привело к тенденциозности в освещении особенностей жизни сибирских мусульман.

Нельзя утверждать, что все свидетельства просвещенных людей, побывавших в Сибири, были достаточно объективными, а конфронтация в оценках происходила не только в диалоге между иноверцами и христианами, но и внутри сообщества последних. Тому свидетельство – разность позиций протопопа Аввакума и католического миссионера Юрия Крижанича, отраженная в их сочинениях.

1. Абрамов Н.А. Материалы для истории христианского просвещения Сибири со времени покорения ее в 1581 г. до начала XIX столетия // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1854. Ч. 81. № 2. Отдел. V; Сибирь (краткое землеописание) / сост. С. Турбин. СПб., 1871. С. 38.

2. Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. Новосибирск, 1932. Стб. 168.

3. Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола / пер. с фр. С.С. Толстого; науч. ред. Е.М. Юхименко. М., 2010. С. 69.

4. См.: Попов А.Н. Переписка дьяка Третьяка Васильева... // Временник Общества истории и древностей Российских. М., 1851. Кн. 9. С. 9.
5. Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола / пер. с фр. С.С. Толстого; науч. ред. Е.М. Юхименко. М., 2010. С. 223.
6. Вершинин Е. Неверность «бродячих царевичей»: Зауральское степное пограничье в XVII веке [Электронный ресурс] / История в историях [сайт]. URL: <http://wordweb.ru/2008/04/25/nevernost-brodjachikh-carevichejj.html>.
7. Крижанич Ю. Собр. соч. Кн. 3. М., 1893. С. 128.
8. Цит. по: Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII в. Новосибирск, 1982. С. 94–95.
9. Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. Новосибирск, 2009.
10. Крижанич Ю. Собр. соч. Кн. 3. М., 1893. С. 106, 111, 112.
11. Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 615–616.
12. Relatio (Historia) de Siberia, dua continentur notitia dictae pronunciat et littoris Oceani glacialiset Orientalis, a porta S. Michaelis Archangeli usque Catayum. Item de Calmucis nomadibus et quaedem narratiunculae de gemmariorum, metallorum et alchimistrarum fraudibus. Scripta Anno 1661. [Повествование о Сибири, в котором находятся заметки об этой провинции и о берегах Ледовитого и Восточного океана от порта св. Михаила Архангела до Китая, также о номадах-калмыках и некоторые рассказы об обманах ювелиров, металлических дел мастеров и алхимиков. Писано в 1661 г.]. См.: Повествование о Сибири. Латинская рукопись XVII столетия, изданная с русского / пер., прим. Григория Спасского // Сибирский вестник. Ч. 17–18. СПб., 1822.

О.Ю. Костко (Тюмень)

«Хомо читающий»

Я достаточно долго работаю в области педагогики и образования, но моя позиция не претендует на директивность, ее задача – стимулировать дискуссию по важной проблеме: сохранение «человека читающего» как вид, которому грозит полное исчезновение. Увы, на вымирание он обречен. Сегодня ноутбук – «записная книжка» – встречается под мышкой студента гораздо чаще, чем художественная или научно-популярная литература, если это не учебник или хрестоматия, что входит в разряд подневольного чтения: обязательной программы. Может случиться, что «хомо читающий» станет такой же антропологической категорией, как «хабитус» или «эректус», и его статус «музейного экспоната» уже в недалеком будущем. Все это сбудется не потому, что современная молодежь менее интеллектуальна